

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**
« ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА »

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
«ЖАНРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА»

И

БОРИС АКУНИН

ПРЕДСТАВЛЯЮТ

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА
«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

ВАЛЕНТИН ИВАНОВ
Русь изначальная
Русь Великая	АНАТОЛИЙ БРУСНИКИН
Девятный Спас
Герой иного времени
Беллона
ПАВЕЛ ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ
Евпраксия
Ярослав Мудрый	АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ
Петр Первый
АНТОНИН ЛАДИНСКИЙ
Голубь над Понтом	ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ
Мемуары
ВЕРА ПАНОВА
Сказание об Ольге	ЛЕВ ТОЛСТОЙ
Хаджи-Мурат
БОРИС ВАСИЛЬЕВ
Вещий Олег
Владимир Красное Солнышко	СОФИЯ ШУАЗЁЛЬ-ГУФЬЕ
Исторические мемуары
об императоре Александре
и его дворе
ВАСИЛИЙ ЯН
Чингисхан
Батый	А.П. ЕРМОЛОВ
Записки русского генерала.
1812 год
ИСАЙ КАЛАШНИКОВ
Жестокий век	И.Д. ЯКУШКИН
Записки декабриста
ВАЛЕРИЙ ЯЗВИЦКИЙ
Иван III — государь всея Руси	АДАМ ЧАРТОРЫЖСКИЙ
Мемуары
АЛЕКСЕЙ ЮГОВ
Ратоборцы	Ю.Н. ТЫНЯНОВ
Кюхля
Смерть Вазир-Мухтара
ДМИТРИЙ БАЛАШОВ
Куликово поле
Степной закат	В.М. ГАРШИН
Четыре дня
А.К. ТОЛСТОЙ
Князь Серебряный
Драматические произведения	Б.Б. ГЛИНСКИЙ
Царские дети и их наставники
ЛЕВ ЖДАНОВ
Царь Иоанн Грозный
Последний фаворит	А. Ф. ТЮТЧЕВА
При дворе двух императоров
АЛЕКСЕЙ ЧАПЫГИН
Гулящие люди	С.М. СТЕПНЯК-КРАВЧИНСКИЙ
Андрей Кожухов
ВСЕВОЛОД СОЛОВЬЕВ
Царь-девица	А.В. ГЕРАСИМОВ
На лезвии с террористами

БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА **БОРИСА АКУНИНА**

«ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

А.В. ГЕРАСИМОВ

**НА ЛЕЗВИИ
С ТЕРРОРИСТАМИ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г37

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

*Библиотека проекта Бориса Акунина
«История Российского государства»
издается с 2014 года*

Серийное оформление — *Андрей Фerez*

Дизайн переплета — *Константин Парсаданян*

Герасимов, А.В.

Г37 На лезвии с террористами /А.В. Герасимов. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»).

ISBN 978-5-17-154794-3

Библиотека проекта «История Российского государства» — это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны от самых ее истоков.

Александр Васильевич Герасимов (1861–1944) возглавлял Петербургское охранное отделение в 1905–1914 годах. В своих воспоминаниях, освещающих историю революционного террора в России, он рассказал о своей борьбе с террористами разных мастей и направлений, работе с Г. Гапоном — зачинщиком Кровавого воскресенья, Е. Азефом — знаменитым «королем провокаторов», взаимодействии с высшими чинами Российской империи — С.Ю. Витте и П.А. Столыпиным, атмосфере при царском дворе в драматические годы между Первой русской революцией и началом Первой мировой войны.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-154794-3

© В. Акунин, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

После тридцатишестичасовой поездки скорым поездом — утром второго февраля 1905 года я сижу в Санкт-Петербурге лицом к лицу с директором Департамента полиции А.А. Лопухиным. Он вызвал меня по телеграфу из Харькова.

— Вы должны взять на себя руководство Петербургским охранным отделением.

Я был знаком раньше с А.А. Лопухиным по Харькову, в бытность его прокурором Харьковской судебной палаты. Я знал его спокойным и сдержанным человеком. Но сейчас этот чопорный аристократ говорил с непривычной, повышенной нервозностью. Мною овладело чувство сопротивления, какое-то отталкивание. Колоссальный город, совершенно незнакомый; ведомственные лабиринты с возбужденной атмосферой работы и масса непредвидимых осложнений. Я думал в этот момент о солнечных садах в окрестностях Харькова, о размеренной службе в харьковском Охран-

ном отделении, о своем спокойном сне. Правда, и Харьков уже не такая теперь провинция. В последние месяцы там не прекращалось забастовочное движение среди рабочих. Там имеется университет с вечно беспокойной студенческой молодежью, питающей революционные кружки социалистических организаций и ведущей пропаганду среди рабочих. Но, конечно, в сравнении с туманным, мятущимся, революционным Петербургом, Харьков — это глухая провинция. Безумные, всю Европу взволновавшие события 9/22 января (Красное воскресенье*) дошли до меня в форме скупого телеграфного известия, которое я прочел с тревогой обеспокоенного патриота, — в сознании, что новая эпоха открылась в истории России. Но в служебном порядке мне нечего было делать с этими событиями, я был ограничен ролью наблюдателя издалека. И вот сейчас я должен очутиться в самом сердце этого опас-

* События 9 (22) января 1905 года в Санкт-Петербурге, известные также как Кровавое воскресенье, или Красное воскресенье, — разгон шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу, имевшего целью вручить императору Николаю II коллективную петицию о рабочих нуждах. Шествие было подготовлено легальной организацией «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Георгием Гапоном. Поводом для выступления рабочих стала не достигшая своих целей забастовка, начавшаяся 3 января на Путиловском заводе и охватившая все заводы и фабрики Петербурга. В день шествия самого царя не было ни во дворце, ни в самом городе. Политический характер выступления и стремление демонстрантов прорваться сквозь оцепление солдат стали причиной разгона шествия, в ходе которого против рабочих было применено огнестрельное оружие. Разгон шествия, повлекший гибель более сотни человек, вызвал взрыв возмущения в российском обществе и во всём мире и послужил толчком к началу Первой русской революции.

ного безумия, должен соучаствовать, распоряжаться, принять на себя ответственность.

Лопухин, по-видимому, заметил, что то чувство, которое вызвало во мне его предложение, никак нельзя назвать восторгом, и счел нужным добавить некоторые разъяснения.

— Вы знаете, что генерал Трёпов назначен Его величеством санкт-петербургским генерал-губернатором с неограниченными почти полномочиями. Чрезвычайные происшествия последних дней требуют и чрезвычайных мероприятий. Трёпов нашел Петербургское охранное отделение в состоянии, которое ему абсолютно не понравилось. Он хочет совершенно преобразовать это ведомство. Для выполнения этой задачи ему требуются особенно способные люди. Я предложил ему вас. Из всех знакомых мне жандармских офицеров вы кажетесь мне единственно подходящим.

Я излагаю свои сомнения:

— Конечно, эта задача требует всего человека. Но я не верю, что я — именно тот, кто здесь нужен. Руководитель петербургской охраны должен знать Петербург как содержимое своего кармана. Я знаю хорошо только Харьков. Там моя работа может быть полезна. Я предпочел бы остаться в Харькове.

— В данном случае, — возразил Лопухин, — я бы на вашем месте не решился сказать «нет». Мне это безразлично, ибо я дольше не остаюсь здесь. Но... ведь вы знаете генерала Трёпова. Он решил вас назначить и ежедневно по телефону справляется, когда вы здесь будете. Завтра утром в десять часов ваш прием у него. Если вы отклоните его предложение, можете считать свою карьеру законченной.

Я покинул Департамент полиции. За отсутствием каких-либо дел в этот день я бродил по Невскому проспекту. Какое зрелище открылось моим глазам! Опрокинутые плакатные столбы, разбитые витрины в магазинах, бесчисленные воронки в стенах от винтовочных пуль — все следы Красного воскресенья. Нежелание переселяться в Петербург значительно во мне усиливается.

Когда на следующий день я появляюсь в Зимнем дворце на аудиенции у Трепова, я ощущаю в себе решимость отклонить назначение на пост руководителя Петербургского охранного отделения даже под угрозой, что мне вообще придется покинуть корпус жандармов. Хотя мне 44 года, но я не озабочен своим будущим. Небольшие средства, которыми я располагаю, предохраняют меня от нужды.

Трепов принял меня точно — секунда в секунду в назначенное время, в великолепном зале царского дворца, где в знак особой милости ему были отведены покои под квартиру, как и под ведомственное учреждение. Он говорил лаконично, языком приказа высшей военной власти — подчиненному.

— Мне нужен для руководства политической полицией способный офицер. Мне вас рекомендовали. Можете ли вы уже сегодня вступить в должность?

Теперь очередь была за мной. В результате долгого процесса углубления и размышления я ясно видел, что именно мне нужно сказать. Но до этого не дошло. Создавшейся ситуации, признаться, я не дорос: жандармский полковник из провинции, я стоял лицом к лицу в царском дворце с могущественным генералом Треповым, любимцем царя. Он приказывал, — как можно

было тут думать об отказе? Тщательно подготовленные мои соображения я не смел высказать. Всё, что сконцентрировалось во мне в области возражений, светлось единственно только к вопросу Трепова, готов ли я уже «сегодня» вступить в должность.

— Сегодня, — сказал я, — совершенно невозможно. Я ведь должен сдать должность в Харькове, ликвидировать свое имущество, перевезти сюда семью.

— Сколько же времени вам для этого понадобится? Достаточно ли одной недели?

— По меньшей мере две.

Трепов секунду обдумывал.

— Итак, хорошо. Если только сможете, поспешите. Крайний срок — в этот же день через две недели.

Было уже поздно, но, придя несколько в себя, я счел нужным хоть некоторые мои сомнения изложить: Петербург мне совсем чуждая область, и, может быть, руководство охраной будет мне не по силам...

Трепов еле выслушивал меня.

— Я вам дам хорошего советника, — прервал он. — Вы знаете Рачковского? Он будет с вами сотрудничать.

Удрученный, недовольный своим умением держаться, я вечером возвращался в Харьков. Будущее представлялось мне далеко не в розовом свете. Но сейчас уже все было решено. Нужно думать о том, как справиться с новыми задачами.

Две недели спустя, 17 февраля, я заявился на прием к Трепову. Он вновь меня принял немедленно. Как только я затворил за собой дверь, он в чрезвычайном возбуждении сказал мне:

— Мне только что телефонировали из Москвы, что убит великий князь Сергей Александрович. Неизвест-

ный бросил в него бомбу. Великий князь был разорван на части... Ужасная смерть...

Трепова нельзя было узнать. Глядя пред собой неподвижным взором, он непрестанно повторял: «Ужасно... ужасно...» Он был лично очень предан великому князю, долгие годы под его началом служил в качестве офицера, а затем, когда Сергей был назначен генерал-губернатором Москвы, в качестве московского обер-полицмейстера. Жестокая смерть великого князя была для него катастрофой, постигшей одного из близких людей.

И меня эта страшная весть также глубоко взволновала. Ко всему, что потрясало Россию уже в течение месяцев, ко всем массовым восстаниям, забастовкам, террористическим актам, — ко всем этим безумным судорогам возбужденного народного организма, — покушение на дядю царя явилось как бы зловещим заключительным эффектом. Еще более тяжким и безумным, чем до сих пор, представлялось мне будущее. Как бы отвечая на мои мысли, Трепов сказал:

— Я узнал, что в Петербурге работает новая террористическая группа. Она недавно прибыла из-за границы. Ею готовят покушения на великого князя Владимира, на меня и, кто знает, на кого еще. Слушайте: ваша первая задача — ликвидация этой группы. Не горюйте о том, что это нам дорого обойдется. Любой ценой схватите этих людей. Поняли? Любой ценой!

В Департаменте полиции, куда я пришел после приема у Трепова, я застал всеобщее смятение. За время моего следования в Департамент Трепов нанес туда короткий визит. Высшие чины Департамента переда-

вали друг другу, что генерал-губернатор без доклада бурно ворвался в кабинет директора Лопухина, бросил ему в лицо одно слово: «Убийца!» — и хлопнул за собой дверь. Трепов открыто бросил обвинение начальнику Департамента полиции в неудовлетворительной постановке охраны великого князя. Ничего подобного не было еще в истории Департамента.

Вечером того же дня я вступил в должность.

Петербургское охранное отделение занимало большой дом на Мойке. Я поднимаюсь по лестнице и остававливаюсь в полном изумлении. В проходах снует масса народа. Кое-где дверь не закрыта. Я захожу в комнату: за своим письменным столом сидит жандармский офицер, перед ним стоит какой-то человек в штатском. Жандармский офицер, уже осведомленный, кто я такой, приподымается с места и здоровается.

Я спрашиваю, указывая на штатского:

— Кто этот человек? Арестованный?

— Нет, господин полковник, это тайный агент.

— Что? — говорю я. — Тайный агент? Вы допускаете, чтобы секретный сотрудник ходил в Охранное отделение? Но ведь это же совершенное безумие. Если его увидит кто-нибудь из террористов, он погиб.

— Простите, господин полковник, — отвечает офицер, — это незначительный агент, и он к тому же постоянно врет.

Я был ошеломлен. Было некстати сейчас разъяснять офицеру методы политической секретной агентуры. Я иду дальше и дальше изумляюсь. Всё, что я в этот первый день и в последующий увидел в большом доме Охранного отделения, уяснило мне, как был Трепов прав, считая, что здесь необходима радикальная чистка,

и в срочном порядке. Эти дефекты организации, эта перепутаница были карикатурой на политическую тайную полицию. Говорят: властители империи находятся под угрозой террористов — превосходно организованных, точно работающих, после тщательной подготовки молниеносно осуществляющих свои планы. Но аппарат, который должен их задержать, пересечь путь, испытать планы и свести их на нет, этот аппарат ведет призрачное существование, противоречащее всем требованиям момента и лишенное всякой цели и смысла.

Уже в первый вечер я снесся с Рачковским, который к этому времени состоял при Трепове в качестве эксперта по секретным полицейским делам, влияя преимущественно изнутри и держась в тени. Рачковский явился ко мне и рассказал, что знал, о новой петербургской группе террористов. Это было немного. Без сомнения, группа, о которой говорил мне Трепов, существовала и подготавливала покушения. Но кто были эти люди, где они проживали? Рачковский не имел ни малейшей точки опоры, не знал ни одного, хотя бы самого незначительного, имени, которое можно было бы поставить в связь с ними. В темноте, ощупью, он прилагал величайшие усилия для того, чтобы найти хотя бы одного (верного) человека, который мог бы завязать сношения с группой и доставить заслуживающие доверия известия.

Эту первую ночь в охранном отделении провел я за пустым письменным столом — в то время как вокруг меня офицеры и чиновники занимались своей непонятной деятельностью, — отчаиваясь и кляня свою судьбу, поставившую передо мною такую задачу. Мне ничего иного не оставалось, как сказать находящимся

под угрозой террора высоким особам: «Террористы замышляют против вашей жизни. Они нам неизвестны. Мы не можем ничего против них предпринять. Мы можем вам только одно рекомендовать — если вам дорога собственная жизнь, не покидайте своих жилищ».

Так прошли, не продвигаясь вперед ни на шаг, три недели. Великий князь Владимир, брат которого Сергей только что погиб в Москве такой страшной смертью, генерал Трепов и ряд других высоких особ не могли передвигаться свободно. Не наложи они на себя домашнего ареста, они могли бы осмелиться показаться на улице только под самой сильной охраной. Положение было совершенно невыносимое.

Глава 2 **ТЕРРОРИСТЫ**

На двадцать первый день моей деятельности в качестве руководителя Петербургского охранного отделения случилось нечто необыкновенное. Как всегда, я сижу ночью за письменным столом, как всегда занимаюсь разбором и расчленением сообщений агентов, ищу в них следы террористов, комбинирую одну возможность за другой. Звонит телефон. У аппарата — полицейский чиновник. Он не говорит, он прямо кричит:

— Взрыв в гостинице «Бристоль», четыре комнаты разрушены, один убитый!..

Не ожидая, не хочет ли он еще дальше сообщить что-нибудь, я выбегаю в переднюю, беру с собой одного чиновника, нанимаю первого извозчика на улице и еду в гостиницу «Бристоль».

Что случилось? Опять кто-нибудь из террористов пал жертвой? Извозчик подъезжает, я выхожу и оказываюсь перед горой разрушений. Четырехэтажная гостиница имеет 36 окон; все 36 лежат в осколках на улице среди кирпича и обломков мебели, выброшенных взрывом сквозь окна гостиницы. Динамит бушевал с ужасающей силой.

Было 4 часа утра, когда я вошел в гостиницу. Полуодетый, бледный как смерть, вышел мне навстречу владелец гостиницы. Он что-то бормотал невнятное. Я оттолкнул его в сторону и взбежал по ступеням вверх. Здесь посреди разрушенных комнат находилось самое место взрыва. Все комнаты этажа стояли открыты — взрыв сорвал все двери с петель.

Вступаю в место наибольших разрушений — в комнату № 27. Я был готов к самому худшему, но то, что мне привелось здесь увидеть, превосходило все представления. Обстановка комнаты и обломки стен лежали подобно куче мусора, и все эти обломки и клочья были там и тут усеяны мельчайшими частицами человеческого трупа. Поблизости разбитой оконной рамы лежала оторванная рука, плотно сжав какой-то металлический предмет, — картина, которую я не могу забыть.

Служащие гостиницы доложили мне, что жилец этой комнаты, исключительно красивый и жизнерадостный молодой человек, был заявлен в качестве богатого англичанина под именем Мак-Келлог. Образ молодого человека, жившего еще несколько часов тому назад, и его разорванный в клочья труп сплелись в моем представлении в одно странное, призрачное видение. Внезапно снова овладело мною острое оцепенение, которое, казалось, я уже преодолел. Подобная же

судьба, — думал я, — может постигнуть и меня... Отчего я не остался в Харькове?

По всем обстоятельствам дела, не было сомнений в том, что это был несчастный случай с террористом, заряжавшим бомбу. Бомбы террористов представляли опасность не только для великих князей и губернаторов, но также и для изготовителей этих бомб. Они содержали в себе горючие и взрывчатые вещества: серную кислоту, хлористый калий, гремучую ртуть и динамит, плотно прилегающие друг к другу в ломких сосудах.

Принцип изготовления бомб заключался в том, что при ударе бомбой по твердому предмету стеклянная трубочка разбивается, и находящаяся в ней серная кислота выливается на смесь хлористого калия с толченым сахаром; при соприкосновении с серной кислотой эта смесь воспламеняется и приводит к взрыву гремучую ртуть, которая в конечном счете вызывает взрыв уже собственно взрывчатого вещества — динамита. У человека, именовавшего себя Мак-Келлогом, во время заряжения бомбы разбилась в руке стеклянная трубочка. Быть может, он был неосторожен или устал.

Прошло еще некоторое время, пока мы узнали, что взрыв в гостинице «Бристоль» свел на нет один из самых значительных заговоров последнего времени и что павший жертвой несчастного случая «англичанин Мак-Келлог» был в действительности Макс Швейцер, руководитель тщетно разыскиваемой петербургской террористической группы. Покушения, для которых Макс Швейцер в своем гостиничном номере изготовлял бомбы, должны были быть произведены через три дня, 14 марта.